

ГЛУП ТОТ ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ
НИКОГДА НЕ МЕНЯЕТ
СВОЕГО МНЕНИЯ.

Дмитрий Медведев

ЧЕРЧИЛЬ

Winston S. Churchill

в кругу друзей и врагов

Аспекты истории

Дмитрий Медведев

Черчилль: в кругу друзей и врагов

«РИПОЛ Классик»

2019

УДК 82-94
ББК 63.3(0)62

Медведев Д. Л.

Черчилль: в кругу друзей и врагов / Д. Л. Медведев — «РИПОЛ Классик», 2019 — (Аспекты истории)

ISBN 978-5-386-12508-0

В жизни Уинстона Черчилля было множество эпизодов, представляющих интерес. В этой книге речь пойдет о его общении с великими современниками: писателями, актерами, политиками. О большинстве из них он оставил не только свои воспоминания, но и размышления над их биографиями, достижениями, секретами мастерства. Подобные описания помимо малоизвестных подробностей общения выдающихся людей также раскрывают новые грани мировоззрения их автора – одного из крупнейших государственных деятелей своего времени.

УДК 82-94
ББК 63.3(0)62

ISBN 978-5-386-12508-0

© Медведев Д. Л., 2019
© РИПОЛ Классик, 2019

Содержание

Глава 1. «Чувства, нервы и глаза общества»	5
Глава 2. «Философствующий романтик»	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Дмитрий Медведев

Черчилль: в кругу друзей и врагов

Глава 1. «Чувства, нервы и глаза общества»

За более чем полувековую карьеру Уинстона Спенсера Черчилля в большой политике в его жизни произошло множество удивительных событий, которых могло бы спокойно хватить на написание увлекательных биографий нескольких публичных деятелей. Большинство из этих событий были связаны с различными достижениями на ниве государственного управления или с творческой активностью. У каждого из этих событий была своя история и драматургия развития, но эти события многое и объединяло. Например, такая важная составляющая, как общение с другими людьми. А учитывая, что речь шла об одном из крупнейших представителей политического небосклона Великобритании первой половины XX века, то и те, с кем приходилось взаимодействовать Черчиллю, являлись личностями неординарными. Даже при беглом знакомстве со списком знаменитостей, с которыми посчастливилось пересечься Черчиллю, нельзя не удивляться, и шутка лорда Дженкинса («Если бы Уинстон пожелал брать уроки музыки, то для него пригласили бы сэра Эдуарда Элгара, а если бы ему потребовался небольшой уход медсестры, то специально для него, несмотря на удаление от дел, вышла бы Флоренс Найтингейл¹»²) воспринимается вполне правдоподобно.

Черчиллю посчастливилось относительно рано окунуться в бурные воды публичной деятельности. Ему не исполнилось и двадцати шести лет, когда после выборов в Олдхэме в октябре 1900 года он был избран в парламент от Консервативной партии. Большинство людей на месте начинающего политика сделали бы перерыв после столь крупного достижения. Но Черчилль не собирался останавливаться. Вместо участия в торжественной церемонии открытия парламента он отправился в США, рассказывать Новому Свету о своем недавнем опыте участия в Англо-бурской войне.

Спустя всего несколько дней после прибытия в Нью-Йорк Черчилля пригласил на обед Теодор Рузвельт (1858–1919), на тот момент губернатор Нью-Йорка, а меньше чем через год – президент США. Молодой британец произвел на него нелестное впечатление, которое сохранится и в дальнейшем. «Мне не нравится Уинстон Черчилль», «Мне никогда не нравился Уинстон Черчилль», «Я отказался встретиться с Уинстоном Черчиллем», – писал он в своей корреспонденции за 1908–1914 годы³. Рузвельт считал Черчилля «легкомысленным, неумеренным, жаждущим дешевой популярности»⁴. Уинстон к своему заокеанскому коллеге относился, наоборот, с уважением и периодически направлял ему экземпляры своих сочинений. «Почему ваш отец так не любил Уинстона Черчилля?» – спросят впоследствии дочь Рузвельта Элис Ли Лонгворт (1884–1980). «Потому что они были очень похожи», – ответит пожилая женщина⁵.

Среди других знаменитостей, с которыми успел встретиться Черчилль во время своей поездки в США, был Сэмюэль Лэнгхорн Клеменс (1835–1910), больше известный всему миру под псевдонимом Марк Твен. Общение с автором любимых произведений, которыми Черчилль

¹ Сэр Эдуард Уильям Элгар (1857–1934) – выдающийся английский композитор; Флоренс Найтингейл (1820–1910) – английская сестра милосердия и общественный деятель. – Здесь и далее примеч. автора.

² Jenkins R. Churchill. P. 71.

³ Ibid. P. 69.

⁴ Цит. по: Addison P. Churchill the Unexpected Hero. P. 35.

⁵ Цит. по: Jenkins R. Op. cit. P. 70.

зачитывался с детства, произвело на молодого патриция «глубочайшее впечатление». «Твен был уже очень стар, белоснежно сед и сочетал величественное благородство с восхитительной живостью беседы», – вспоминал Черчилль⁶.

Впервые они померились интеллектуальной силой во время пресс-конференции, которую Черчилль давал 9 декабря в Нью-Йорке. Американский классик был одним из тех, кто задавал вопросы.

– Говорят, что некая голландская девушка влюбилась в вас и помогла вам совершить побег? – спросил он. – Вы же заявляли, что вам помогла «рука Провидения». Какое из этих утверждений правильное?

– Иногда это одно и то же, – не растерявшись, ответил Черчилль.

– Как долго, по вашему мнению, продлится война в Южной Африке? – вновь перешел в атаку автор «Приключений Тома Сойера».

– Война сейчас закончена, – уверенно парировал иностранец. – Буры разгромлены, но они пока еще об этом не знают⁷.

Черчилля и Твена объединяли любовь к слову, любовь к кошкам и день рождения – оба появились на свет 30 ноября. На этом сходство (как могло показаться тогда) заканчивалось. Марк Твен исповедовал антиимпериалистические взгляды, поддерживая сторонников борьбы за независимость, будь то «боксерское восстание» в Китае или буров – в Южной Африке. Учитывая разногласия на политической почве, кажется необычным, что именно Твен представил заграничного гостя нью-йоркской публике. Сделал же он это с особым искусством, умудрившись одновременно пройти по британской и американской внешней политике, а также достойно отрекомендовать выступающего:

«Я думаю, Англия согрешила, когда ввязалась в войну в Южной Африке, ввязалась в войну, которой могла избежать. Согрешила так же, как и мы, ввязавшись в похожую войну на Филиппинах. Мистер Черчилль по своему отцу англичанин, а по матери – американец, сочетание, которое, без сомнения, производит на свет совершенного человека. Англия и Америка, мы – родня по крови. А теперь мы еще родня и по грехам. Лучшего и желать невозможно. Совершенная гармония, как и мистер Черчилль, которого я имею честь вам представить»⁸.

«Остроумное выступление», – заметит Черчилль своей матери⁹.

После таких вступительных слов начинать нелегко. По свидетельствам очевидцев, первые минуты было заметно, что оратор волнуется. Но он быстро смог совладать с собой, «забывшись в предмете и приковав к себе внимание слушателей»¹⁰.

После завершения выступления два писателя – английский и американский – вновь сошлись в интеллектуальной дискуссии. Общение закрутилось вокруг военной тематики. Превосходя собеседника в опыте, Твен быстро положил Черчилля на лопатки, и тому ничего не оставалось, как сказать: «Права она или не права, но это моя страна». – «Когда несчастная страна сражается за свое существование, я согласен, но это не ваш случай», – добил его американец¹¹.

Расстались они дружелюбно. Твен подарил Уинстону двадцатитомное собрание своих сочинений, подписав каждый том. На первом томе он оставил следующий автограф: «Творить добро – благородно, учить других творить добро – еще благородней и менее хлопотно»¹².

⁶ Черчилль У. С. Мои ранние годы. С. 357.

⁷ Цит. по: Schwarz C. When the Twain Met: Winston Churchill and Samuel Clemens // *Finest Hour*. № 149. P. 40–41.

⁸ Цит. по: Churchill R. S. Winston S. Churchill. Vol. I. P. 542–543.

⁹ Documents. Vol. 2. P. 1222.

¹⁰ См.: Schwarz C. Op. cit. P. 42.

¹¹ См.: Черчилль У. С. Указ. Соч. С. 357.

¹² См.: Churchill R. S. Op. cit. Vol. I. P. 542–543; Documents. Vol. 13. P. 112.

Несмотря на колкости классика, Черчилль сохранит о нем добрую память. Он будет читать «Принца и нищего» своему сыну, а в 1929 году вступит в Международное общество Марка Твена. В 1932 году, участвуя в пересказе великих произведений, он предложит включить в проект роман «Принц и нищий». Черчилль будет упоминать в своих выступлениях об огромном влиянии сочинений Марка Твена, а также ссылаться в своих статьях на его жизненный опыт. В частности, в одном из эссе 1935 года, развивая близкую для себя тему связи между тяжелым детством и последующими успехами, он приведет пример Твена, потерявшего отца в двенадцать лет. «Он никогда не написал бы „Гекльберри Финна“, если бы жизнь была к нему более добра в юные годы»¹³.

Карьера Черчилля развивалась стремительно. Спустя всего пять лет после обустройства в парламенте он занял пост заместителя министра по делам колоний. К тому времени он уже сменил партийную принадлежность, став восходящей звездой Либеральной партии. Популярность приносила свои плоды. В конце 1907 года к молодому политику обратился Брэм Стокер (1847–1912), двадцать семь лет являвшийся театральным менеджером знаменитого актера Генри Ирвинга (1838–1905), а также директором-распорядителем возглавляемого Ирвингом театра «Лицеум». Однако наибольшую славу Стокеру принесла литературная деятельность, особенно готический роман «Дракула», опубликованный в 1897 году.

После кончины Генри Ирвинга Стокер остался без работы. Он решил подготовить серию материалов о знаменитых личностях. К их числу он относил Уинстона Черчилля. Стокер обратился к политику с просьбой взять интервью. Черчилль читал «Дракулу», который произвел на него большое впечатление¹⁴.

Как это бывает при интервью, беседа Стокера и Черчилля началась с обсуждения творческих планов. Выяснилось, что Уинстон, который опубликовал к тому времени семь произведений, не собирается останавливаться на достигнутых литературных успехах. «Я надеюсь продолжить писать, и писать настолько много, насколько мне позволит государственная служба», – признался он. Он планирует переключиться на создание исторических произведений в «легкой форме». Он считал, что будущее за историческими сочинениями для широкой публики, которая хочет узнавать новое, но не готова тратить на это много времени. Подобный формат изложения истории позволит, по мнению Черчилля, избежать излишней детализации, которая негативно влияет на восприятие исторической действительности. Современные исследователи слишком много усилий тратят на изучение и описание отдельных деталей, упуская при этом из виду общую картину.

Далее Черчилль плавно перешел к теме, которую Стокер тут же решил развить, за что ему отдельное спасибо. «Каждый должен выбирать собственный путь в этой жизни, – сказал политик. – Только следуя своим наклонностям и стремлениям, можно вести по-настоящему гармоничную жизнь». Стокер попросил собеседника конкретизировать, что он понимает под этим. «Гармоничная жизнь, – произнес Черчилль, улыбнувшись, – это такая жизнь, когда ваша работа приносит вам удовольствие, и наоборот. Подобное сочетание вместе с жизнерадостным нравом представляет собой лучший из земных даров. Большинство людей работают большую часть дня, после чего, если не слишком устали, предаются развлечениям. Но малочисленные счастливчики испытывают интерес и удовольствие не от чередования дела и часов досуга, а от самой работы»¹⁵.

¹³ См.: Soames M. Winston and Clementine. P. 225; Documents. Vol. 13. P. 776; Vol. 12. P. 500, 398; Churchill W. S. Everybody's Language // Collier's. October 26. 1935. P. 24.

¹⁴ См.: Stoker B. 1908: Churchill Talks of his Hopes, Work and Ideals // Finest Hour. № 144. P. 21–22.

¹⁵ Ibid. P. 23.

Через несколько месяцев после интервью Черчилль повторит свою мысль, заявив, что «в этом мире блаженны только те, для кого работа – это источник удовольствия». По его мнению, «только такие люди и могут быть по-настоящему счастливы»¹⁶.

Точка зрения Черчилля найдет отклик (неосознанно) в знаменитом труде Альбера Камю (1913–1960) «Миф о Сизифе». Выдающийся французский философ представил знаменитую древнегреческую легенду о царе Коринфа, который бросил вызов богам и за свою дерзость был обречен на вечные муки – вкатывать на гору огромный камень, срывающийся вниз, – в качестве метафоры рабочих будней современного человека. Жизнь большинства людей занята ежедневной рутинной, которой нет конца, а в масштабе страны и эпохи – значения. Те цели, которые считаются важными, на самом деле лишь фикция, потому что в тот момент, когда «в самом конце долгих усилий, измеряемых пространством без неба над головой и временем без глубины», эти цели достигаются, Сизиф снова и снова видит, «как камень за несколько мгновений пролетает расстояние до самого низа, откуда надо снова поднимать его к вершине»¹⁷.

Какой же выход из этого тупика абсурда предлагает Камю? Такой же, как и Черчилль, полагавший, что, во-первых, «не обязательно делать то, что вы любите, главное – любить то, что вы делаете», и во-вторых, «все земные несчастья предоставляют свои компенсации, и даже монотонность не лишена скрытой радости»¹⁸. Выводы Камю аналогичны – найди, чем можно наслаждаться, и полюби свою работу. «От собственной ноши не отделаешься, – констатирует он. – Сизиф учит высшей верности. Каждая песчинка камня, каждый вспыхивающий в ночи отблеск руды, вкрапленной в гору, сами по себе образуют целые миры. Одного восхождения к вершине достаточно, чтобы наполнить до краев сердце человека»¹⁹.

Сам Черчилль практиковал, что проповедовал, выстраивая свою жизнь так, что каждый вид деятельности, которую непосвященный наблюдатель мог отнести к тяжелой работе, на самом деле приносил ему не только деньги, славу и успех, но и удовольствие. Не в этом ли состоит секрет его огромных достижений, невероятной работоспособности и удивительной стрессоустойчивости? Супруга Черчилля считала, что – да!²⁰ Причем это одинаково относилось как к политике, в которой Черчилль чувствовал себя как рыба в воде, так и к сочинительству. Он вообще полагал, что представители литературной профессии относятся к той редкой категории счастливиц, в жизни которых «есть место для настоящей гармонии». «По моему мнению, возможность получать удовольствие от работы – это та классовая привилегия, за которую стоит бороться, и меня нисколько не удивляет, что люди склонны завидовать тем, кто зарабатывает себе на жизнь, изливая на бумаге свои фантазии, мысли и чувства, ведь каждый час такого труда – это час подлинного наслаждения, а отдых, пусть и необходим, сравним с изнурительно длинным антрактом в интереснейшем спектакле, после которого хочется скорее вернуться к начатому делу, – заметил однажды Черчилль. – Увлеченному творцу выходной день кажется каторгой»²¹. «У меня никогда не было каникул», – признается Черчилль в 1931 году²².

Британский политик не только рассуждал о преимуществе литературного творчества, но и с удовольствием общался с известными мастерами слова. Например, с Артуром Игнатиусом Конан Дойлом (1859–1930).

В жизни автора детективов было много парадоксов. Он родился обычным шотландцем, чтобы войти в историю великим англичанином, он стал врачом, чтобы посвятить себя литера-

¹⁶ Цит. по: Черчилль У. С. (ред.). Никогда не сдаваться. Лучшие речи Черчилля. С. 60.

¹⁷ Камю А. Миф о Сизифе / Изнанка и лицо. С. 201, 202.

¹⁸ Churchill W. S. *Painting as Pastime*. P. 8; Churchill W. S. *London to Ladysmith via Pretoria*. P. 5.

¹⁹ Камю А. Указ. соч. С. 203.

²⁰ См.: Soames M. *Clementine Churchill*. P. 266.

²¹ Цит. по: Черчилль У. С. (ред.). Указ. соч. С. 60.

²² Documents. Vol. 12. P. 265.

туре, он занялся наукой, чтобы обратиться к мистике, он создал любимый всеми персонаж, который сам же возненавидел. Но для нашего повествования важно то, что его многое объединяло с Черчиллем. Оба отличались храбростью и разносторонностью, оба были профессионалами в своей области, но зарабатывали на жизнь писательским трудом, оба были детьми своего времени и своей эпохи, оба чувствовали настоящее и преклонялись перед прошлым. Они даже питали интерес к одной исторической личности – Наполеону. «Не могу определить, с кем имею дело: с великим героем или великим негодяем, в прилагательном только могу быть уверен наверняка», – скажет Дойл о французском императоре²³.

Так же как Черчилль, Конан Дойл участвовал в Суданской кампании. Правда, случилось это в 1896 году – за два года до падения Хартума и появления на континенте лейтенанта 4-го гусарского полка Уинстона Черчилля. Больших военных событий в тот период не случилось, поэтому особых впечатлений Конан Дойл не получил, быстро завершив свое пребывание в армии.

Хотя, аналогично Черчиллю, он заключит договор с одним изданием – *Westminster Gazette* – и даже напишет после путешествия в Африку небольшой рассказ «Корреспондент газеты» и роман «Трагедия с „Короско“».

Так же как Черчилль, он принимал участие в Англо-бурской войне. К моменту начала боевых действий Артуру исполнилось уже сорок лет, и его визит в Южную Африку был совершенно не обязателен. Но кровь предков, сражавшихся бок о бок с Ричардом Львиное Сердце, оказалась сильнее доводов рассудка. Не успел пушечный дым окутать Мафекинг и Ледисмит, как Дойл уже стоял на палубе «Ориентала», напряженно всматриваясь в горизонт. «И как ты посмел! – возмущалась его мать. – Посмотри на свой рост и комплекцию. Идеальной мишенью даже трудно представить»²⁴. Но Дойл был неумолим. Он – врач и его долг – помогать людям.

В своем упорстве он не уступал Черчиллю. Только если будущего политика беспокоил поиск опасностей, Дойла – спасение других от их последствий. Не успев сойти с трапа корабля, он с головой окунулся в медицину – оперировал раненых. «Доктор Конан Дойл пашет как лошадь, – восхищались очевидцы. – Надышавшись пропитанным микробами воздухом, он лишь изредка выходит из врачебной палатки, чтобы вдохнуть глоток свежего воздуха. Он один из немногих людей, которые делают Англию великой»²⁵.

Такой же бесстрашный и любознательный, как Черчилль, Дойл участвует в сражениях, пытается вникнуть в мельчайшие подробности военного дела. И едва разобравшись, тут же озвучивает свои предложения в статье.

Но, как и в случае с Черчиллем, военные эксперты лишь многозначительно улыбались над тем, что буквально через пятнадцать лет станет азами ведения боевых действий²⁶.

Так же как Черчилль, Артур Конан Дойл вернется домой в июле 1900 года. Не считая тяжелого отравления и перелома нескольких ребер во время игры в футбол, война закончится для него более или менее удачно. Хотя в его ушах по-прежнему будут звучать выстрелы. Едва обустроившись в своем поместье Андершо, графство Суррей, он организует собственный стрелковый клуб. Под звуки выстрелов, с изрядной периодичностью доносившихся до его кабинета, он начнет работу над новым романом-триллером. Роман был посвящен жуткой истории о девонширской семье, преследуемой призраком кровожадной собаки. По мере разработки сюжетной линии Дойл решил, с большой неохотой, ввести в действие Шерлока Холмса, нашедшего к тому времени свой последний приют на дне Рейхенбахского водопада. К огромному сожалению миллионов читателей, новое произведение, получившее волнующее название

²³ Цит. по: Goldfarb C. *Finest of the Empire: Winston Churchill and Arthur Conan Doyle* // *Finest Hour*. № 155. P. 26.

²⁴ Цит. по: Карр Дж. Д. Жизнь сэра Артура Конан Дойла: Человек, который был Шерлоком Холмсом. С. 177.

²⁵ Там же. С. 188.

²⁶ Там же. С. 192.

«Собака Баскервилей», не воскрешало великого детектива, а лишь описывало случай из его прошлой практики.

Однако еще до того, как новая история о знаменитом сыщике увидела свет, Конан Дойл, как и его современник, опубликовал свое видение еще не закончившейся на тот момент войны. Первое издание «Англо-бурской войны» вышло в конце 1900 года. За следующие два года это произведение выдержало восемнадцать изданий, постоянно дополняясь новыми материалами. В своей книге автор упоминает и «известного журналиста» Уинстона Черчилля. Он приводит эпизод с нападением на бронепоезд и пленением будущего политика, отмечая благородное поведение последнего²⁷. Также он ссылается на его точку зрения в описании битвы у Спайон-Коп, замечая, что «здоровость суждений мистера Уинстона Черчилля не раз проявилась во время войны»²⁸.

Первая встреча молодого героя войны и популярного автора состоялась 25 октября 1900 года. Их обоих пригласили выступить на ежегодном торжественном обеде в клубе «Пэлл-Мэлл». Через десять дней Черчилль пригласил Дойла председательствовать на его лекции «Война, как я ее вижу», которую он давал 5 ноября в Сент-Джеймс-холле.

Новая встреча двух джентльменов состоялась в следующем году. В марте автор Шерлока Холмса был избран членом знаменитого литературного и научного общества «Атенеум». Тридцатого апреля он устраивал в «Атенеуме» торжественный обед, на который среди прочих пригласил и Черчилля²⁹.

В 1941 году Черчилль признается сыну писателя Адриану (1910–1970), что «имел удовольствие встречаться с вашим отцом по многим случаям»³⁰. На самом деле встречи Черчилля и Дойла носили не столь частый характер, как наверняка хотели бы оба, но их общение было постоянным и не прекращалось до смерти писателя.

В 1909 году Дойл написал новое произведение – «Преступления в Конго», в котором подверг резкой критике действия короля Бельгии Леопольда II (1835–1909) в этой африканской колонии. С книгой ознакомился Уинстон Черчилль. Он поблагодарил автора за то, что тот обратил внимание на ситуацию в Конго, и пообещал помочь по мере своих возможностей³¹.

Их пути вновь пересеклись в годы Первой мировой войны. Дойл, рвавшийся в бой, записался рядовым в Королевский добровольческий батальон Суссекса. Теперь он называл себя «Старый Билл» или «Последний рубеж обороны». Он также проявлял интерес к техническим новинкам, завалив Военное ведомство различными предложениями. «Снабдите флот спасательными кругами и надувными резиновыми шлюпками, а пехоту – пуленепробиваемыми жилетами и металлическими касками», – требовал Дойл. Но все его предложения остались без ответа. Из официальных лиц его поддержал только Уинстон Черчилль, который в этот момент отчаянно пробивал свое новое изобретение – танк. «Меня переполняют множество новых идей, – пожалуется он писателю. – Где бы только найти столько власти, чтобы претворить их в жизнь»³².

Еще одним поводом для общения послужил неприятный эпизод, произошедший с Черчиллем в начале 1920-х годов. В 1923 году поэт Альфред Брюс Дуглас (1870–1945), друг Оскара Уайльда, публично обвинил политика в сотрудничестве с еврейскими финансистами. Несмотря на нелепость обвинения, Черчилль отнесся к инсинуациям серьезно и обратился за помощью к генеральному атторнею Дугласу Хоггу (1872–1950). Слушания по делу состоялись

²⁷ Conan Doyle A. The Great Boer War. P. 215.

²⁸ Ibid. P. 260.

²⁹ См.: Goldfarb C. Op. cit. P. 22–23; Glueckstein F. First Encounter // *Finest Hour*. № 155. P. 22–23; Documents. Vol. 3. P. 32, 33.

³⁰ См.: Goldfarb C. Op. cit. P. 23.

³¹ См.: Ibid. P. 25.

³² Gilbert M. Winston S. Churchill. Vol. III. P. 810.

10 декабря 1923 года. Черчиллю не составило труда доказать абсурдность выдвигаемых против него обвинений и подать встречный иск против обидчика. Суд признал Дугласа виновным и приговорил к шести месяцам тюрьмы³³. Среди прочих с победой Черчилля поздравил и Артур Конан Дойл, который, по его собственным словам, симпатизировал политику. Также он поделился своим опытом общения с Дугласом, который однажды направил ему «оскорбительное письмо», касающееся его занятий спиритизмом. Дойл не растерялся, ответив, что «только ваша похвала может меня шокировать»³⁴.

В развитие темы. Дойл советовал Черчиллю также заняться спиритизмом. Сам он уже несколько десятилетий изучал это явление. «Только сейчас я понял, что вся остальная работа, которую я когда-либо делал или буду делать в будущем, есть ничто по сравнению со спиритизмом!» – заявлял Дойл³⁵. Со всей силой своей личности он полностью посвятил себя изучению и распространению мистической практики: выступал с лекциями, организовывал сеансы общения с потусторонним миром, описывал свои размышления. В своем доме писатель собрал внушительную библиотеку в две тысячи томов, посвященную исключительно проблемам спиритизма и парапсихологии. Из его лексикона полностью исчезло слово «смерть». Такому понятию, как уход из жизни, в его мировоззрении больше не было места. Человек вечен, по крайней мере одна из его частей! – убеждал он многотысячные толпы, слушавшие его лекции словно откровения мессии³⁶.

Не споря с писателем, Черчилль в целом не разделял его увлечения. Хотя однажды (в декабре 1911 года) ему рассказали, что на спиритическом сеансе был вызван дух его отца – лорда Рандольфа, и выяснилось, что тот беспокоится о своем сыне. Поддерживая политические начинания сына, дух якобы опасался, что огромные перегрузки, которым подвергает себя Уинстон, могут иметь разрушительные последствия для его нервной системы. Он просил передать, чтобы его отпрыск чаще отдыхал, побольше спал и поменьше применял успокаивающих препаратов³⁷.

Иначе обстояло дело с политикой и литературой, которые предоставляли гораздо больше точек для соприкосновения и обсуждения. Артур Конан Дойл высоко ценил Черчилля как государственного деятеля. В своей шеститомной истории Первой мировой войны «Британская кампания во Франции и Фландрии» он неоднократно упоминает имя министра, воздавая ему должное за подготовку военно-морского флота к безжалостным сражениям на воде, а также за участие в создании новых наземных боевых машин – танков. По мнению Дойла, «жизнь мистера Уинстона Черчилля представляет огромную ценность для страны»³⁸.

Особенно интересно мнение Конан Дойла о Черчилле-литераторе. «Я уже давно осознал, что Уинстон Черчилль обладает самым выдающимся прозаическим стилем среди современников», – напишет Дойл в *The Times* в феврале 1927 года³⁹. В день смерти писателя, 7 июля 1930 года, *Daily Mail* выйдет с еще одной его заметкой, в которой он назовет Черчилля «величайшим из ныне живущих мастеров английской прозы»⁴⁰.

Сам Черчилль высоко оценивал литературный дар Конан Дойла. Он признавался, что был очарован его произведениями. Он прочитал каждый рассказ и каждую повесть о легендарном сыщике и больше всего был потрясен «Пестрой лентой»⁴¹. Политик был хорошо знаком

³³ См.: Documents. Vol. 11. P. 51–52, 63–65, 79–82.

³⁴ См.: Ibid. P. 82–83.

³⁵ Цит. по: Карп Дж. Д. Указ. соч. С. 375.

³⁶ См. там же. С. 380, 382–383.

³⁷ См.: Documents. Vol. 4. P. 1352–1353.

³⁸ См.: Conan Doyle A. The British Campaign in France and Flanders. 1914. P. 5, 40, 260, 196.

³⁹ См.: Documents. Vol. 11. P. 938.

⁴⁰ Цит. по: Goldfarb C. Op. cit. P. 25.

⁴¹ См.: Goldfarb C. Op. cit. P. 26.

и с другими сочинениями своего современника. Сохранилось письмо, написанное в декабре 1896 года, в котором он благодарит брата за два номера *The Strand Magazine* с опубликованным историческим романом «Родни Стоун». Черчиллю особенно понравились батальные сцены, а также он счел, что мастерство автора оказалось гораздо выше придуманной им фабулы⁴². В целом политик считал, что, помимо рассказов о Шерлоке Холмсе, Артур Конан Дойл написал множество книг, которые займут «достойное место в английской литературе»⁴³.

Раскрытие темы общения Черчилля с известными писателями будет не полным, если не привести еще одно имя – автора «Саги о Форсайтах» Джона Голсуорси (1867–1933). Два будущих лауреата Нобелевской премии по литературе встретились в 1909 году. Позже Голсуорси признается, что Черчилль ему «понравился больше, чем я ожидал». Он произвел на него впечатление как обладатель «своеобразной холодной силы». В процессе дальнейшего общения мнение писателя изменится. Он будет отмечать не только выдающиеся способности Черчилля, но и признает, что у него теплое сердце⁴⁴.

Основное общение с Голсуорси пришлось на период руководства Черчиллем Министерством внутренних дел.

Писатель одним из первых поздравил политика с назначением на столь ответственный пост и познакомил его со своими предложениями об улучшении условий содержания заключенных. Черчилль высоко оценивал произведения Голсуорси, посвященные злободневным вопросам классового неравенства и антагонизма. Он назвал «Справедливость» «восхитительной пьесой», а «Борьбу» охарактеризовал как «замечательное произведение, которое надолго переживет сиюминутную пустую болтовню»⁴⁵.

В отличие от Конан Дойла, Голсуорси видел в Черчилле в основном политика. Это, однако, не означало, что он не признавал его талант литератора. В одном из писем Черчиллю он упомянул о «темпераменте писателя», который характеризовал как «чувства, нервы и глаза общества». Затем он добавил: «Вы сами во многом обладаете этим темпераментом и поймете, о чем я говорю»⁴⁶. Но именно политическая подоплека их общения и определила непродолжительный характер отношений, которые ограничились периодом 1909–1910 годов. После того как Черчилль покинул ниву социального реформаторства, он перестал представлять интерес для автора «Саги».

Вместе с тем общение Черчилля с собратьями по перу не всегда носило плодотворный и благожелательный характер. В 1915 году, во время одного из торжественных мероприятий на Даунинг-стрит, он встретился с Генри Джеймсом (1843–1916). Правильнее сказать, что это Джеймс встретился с Черчиллем – именно он был инициатором их знакомства. Много наслышанный о британском политике, писатель изъявил желание пообщаться с ним лично. Но Черчилль разочаровал Джеймса. Во-первых, писатель с удивлением обнаружил, что собеседник совершенно не знаком с его творчеством. Во-вторых, Черчилль постоянно перебивал Джеймса, привыкшего излагать свои мысли медленно, облекая их в длинные предложения. В-третьих, речь британца изобиловала сленгом, что также вызвало неприятие у американского классика⁴⁷. Эпизод с Джеймсом интересен в двух отношениях. Во-первых, в нем проявились зазнайство и снобизм Черчилля. Подобный казус имел место и ранее. Еще в молодые годы Уинстон заявил Сомерсету Моэму (1874–1965): «Моэм, я наблюдал за тобой. Ты умен и хорошо себя держишь. Далеко пойдешь, как и я. Хочу, чтобы мы пришли с тобой к пониманию. Если ты не

⁴² См.: Documents. Vol. 2. P. 705.

⁴³ См.: Goldfarb C. Op. cit. P. 26.

⁴⁴ См.: Weidhorn M. A Harmony of Interests: Explorations in the Mind of Sir Winston Churchill. P. 24–25.

⁴⁵ См.: Documents. Vol. 4. P. 1148–1152, 1190; Weidhorn M. Op. cit. P. 24.

⁴⁶ Documents. Vol. 4. P. 1188.

⁴⁷ См.: Weidhorn M. Op. cit. P. 22.

станешь выступать против меня, я также не буду выступать против тебя»⁴⁸. Когда в 1919 году выйдет роман «Луна и грош», Черчилль направит Моэму письмо, в котором скажет, что «с удовольствием прочитал эту замечательную и восхитительную книгу, обладающую многими качествами картин Гогена»⁴⁹. Встречаться с Моэмом Черчилль будет часто. По словам личного секретаря нашего героя Энтони Монтагю Брауна (1923–2013), их отношения никогда «не будут близкими, но всегда приятными»⁵⁰.

Второе, чем примечателен инцидент с Джеймсом, – Черчилль настороженно относился к творческой элите. И дело не в том, что он ее не понимал, а следовательно, и побаивался, как некоторые политики.

Наоборот, он мыслил глубже, возлагая на людей мысли определенную вину за постигшую Британию несчастья. «Самые большие трудности, с которыми мы сталкиваемся, исходят не извне, а изнутри, – скажет он во время одного из своих выступлений. – При этом вряд ли стоит винить в наших проблемах честных работяг. На самом деле ответственность за наши невзгоды следует возложить на просвещенную интеллигенцию: этот класс всегда был развит в нашей стране и, внося вклад в развитие национальной культуры, в то же время постоянно подтачивал основы нашего государства, ослаблял английское общество»⁵¹.

⁴⁸ Цит. по: Halle K. The Irrepressible Churchill. P. 24.

⁴⁹ Цит. по: Langworth R. M. (ed.). Churchill by Himself. P. 360.

⁵⁰ См.: Browne A. M. The Long Sunset. P. 219.

⁵¹ См.: Черчилль У. С. (ред.). Указ. соч. С. 150–151.

Глава 2. «Философствующий романтик»

Далеко не со всеми писателями у Черчилля складывались настолько же гладкие отношения, как с автором Шерлока Холмса. Бывали случаи и расхождений во взглядах, когда приходилось вступать в споры и бороться за свою точку зрения. Одним из наиболее показательных примеров такого варианта общения стало общение с Гербертом Джорджем Уэллсом (1866–1946).

Уэллс был почти на восемь лет старше нашего героя. Он происходил из иной среды, и его восхождение к славе было гораздо труднее, чем увитый великосветскими знакомствами путь потомка герцога Мальборо. Несмотря на разницу в возрасте и положении, звезда литературного таланта у этих двух великих британцев зажглась примерно в одно и то же время, хотя звезда Уэллса была, пожалуй, ярче. Случилось это в 1895 году, когда Черчилль познакомил читающую публику со своими первыми опусами, описывающими военное противостояние испанцев и кубинских повстанцев, а Уэллс взбудоражил всех своим первым романом «Машина времени». Среди тех, кто прочел это произведение, был и молодой кавалерист, который сразу записался в ряды поклонников начинающего фантаста. Впоследствии Уинстон скажет, что «кричал от радости», когда читал этот «изумительный философский» роман⁵².

В 1897 году выйдет новый научно-фантастический роман Уэллса «Человек-невидимка». Черчилль назовет его «крайне занимательным» и посоветует своей матери⁵³. В том же году в *Pearson's Magazine* будет опубликован очередной бестселлер фантаста – «Война миров». Примерно в это же время Черчилль начнет работу над «Речной войной», где найдет отклик произведение Уэллса. Критики проводят параллель между строительством военной железной дороги в Африке у Черчилля и описанием транспортной системы марсиан в романе Уэллса⁵⁴. В «Речной войне» затрагивается также тема бактериологического оружия, в свою очередь отсылающая к «Войне миров», где именно неспособность иммунной системы пришельцев справиться с земными вирусами оказалась фатальной для их захватнических планов⁵⁵.

Первое общение между Уэллсом и Черчиллем состоялось в ноябре 1901 года. Политик скажет писателю, что за исключением «Первых людей на земле» он прочитал все его сочинения. Особое внимание было уделено последней книге Уэллса – «Прозрения». Черчилль заявил, что согласен с большей частью приведенных в ней мыслей, но некоторые тезисы принять не может. Во-первых, идею о том, что быстрые улучшения человеческой природы станут одним из следствий технологического прогресса. «Можно научить собаку всем видам трюков, но нельзя в спешном порядке улучшить ее породу», – объяснил политик.

Во-вторых, он категорически отверг мнение Уэллса о том, что в политику должны идти люди, владеющие техническими знаниями в конкретной области, а не только представляющие ситуацию в целом. «Ничего не будет более фатальным для правительства, чем его попадание в руки экспертов, – выскажет свою точку зрения начинающий парламентарий и останется верен ей до конца своих дней. – Знание эксперта ограничено. Почему вы полагаете, что все, за исключением докторов, инженеров и прочих специалистов, – дармоеды или того хуже? Разве управление государством не является одновременно наукой и искусством? Управлять людьми, объяснять сложные явления простым людям, примирять интересы, взвешивать доказательства спорящих друг с другом специалистов, иметь дело с неотложными и срочными эпизодами – разве все эти занятия не достойны того, чтобы посвятить им свою жизнь? Управление обще-

⁵² См.: Churchill W. S. H. G. Wells / Great Contemporaries. P. 377, 376.

⁵³ См.: Documents. Vol. 2. P. 878.

⁵⁴ См.: Rose J. The Literary Churchill: Author, Reader, Actor. P. 60.

⁵⁵ Ibid. P. 90.

ственными делами – настолько обширная и сложная сфера деятельности, что она препятствует дотошному изучению какого-либо отдельного предмета»⁵⁶.

Идеи Черчилля оценит спустя тридцать лет Хосе Ортега-и-Гассет (1883–1955), отмечавший, что новой тенденцией эпохи стала возрастающая с каждым годом специализация. Итогом же специализации явилось то, что, каждый раз «сужая поле деятельности, ученые теряют связь с остальной наукой, с целостным истолкованием мира». Специалисты знают «одну-единственную дисциплину», и то только ее малую часть, оставаясь несведущими во всем остальном. Они «кичатся своей неосведомленностью». Они превращаются в «сведущих невежд» и к решению любой проблемы, выходящей за рамки их специализации, подходят как невежды, но с «дерзкой самонадеянностью человека, знающего себе цену». Погружаясь в свои исследования, идеи и поле деятельности, как в окопы, они спасаются в них от собственной жизни: конкретной, живой, неповторимой. И в этом смысле «политика реальней науки». Она «складывается из неповторимых ситуаций, в которые человек, хочет он того или нет, внезапно погружается с головой»⁵⁷.

Уэллса интересовало другое. Между писателем-фантастом и писателем-политиком завязалась оживленная переписка, лейтмотивом которой стало обсуждение социальных вопросов и методов их решения. Эта тема была поднята Уэллсом уже в первом ответном послании Черчиллю. Ему не составило труда разглядеть в будущем активном члене Либеральной партии консервативную жилку, подпитывающую его укоренившиеся представления. Уэллс полагал, что скептицизм Черчилля в отношении стремительности перемен вызван различием в социальном происхождении. «Вы принадлежите к классу, который не сильно изменился за последнее сто лет», – скажет фантаст. Он предложил Черчиллю переместиться в прошлое, например в 1800 год. Манеры, прическа, одежды – вот, пожалуй, и все, что будет отличать потомка герцога от его прапрадеда. Для Уэллса путешествие в прошлое дало бы совершенно иной результат. Половина его предков не умели ни читать, ни писать, и по своему мировоззрению эти люди кардинально отличались от их отпрыска, с которым вряд ли смогли бы найти общий язык. «Я и в самом деле полагаю, что люди вашего круга, разместившиеся в огромных особняках, едва осознают темп происходящих перемен», – заявит Уэллс⁵⁸.

Не исключено, что эта фраза могла задеть Черчилля. Если и так, то он этого не показал и уж точно не стал таить обиду. Он призвал писателя быть более терпимым в отношении политиков, большая часть которых на тот момент была представлена именно аристократами. По его мнению, политики решали важную задачу «защиты миллионов несовершенных людей, желающих сохранить спокойствие в условиях, когда одни хотят их сделать совершенными, а другие – исполнителями тяжелой и монотонной работы»⁵⁹.

Несмотря на разногласия по политическим вопросам, которые разделяли их на протяжении последующих четырех десятилетий, два джентльмена продолжили общение. Черчилль предложил Уэллсу встретиться. Тот согласился, ответив, что его собеседник представляется ему «весьма интересной и вполне занимательной личностью»⁶⁰.

Черчилль не просто восхищался научно-техническими фантазиями Уэллса, он находил их весьма полезными и старался претворить в жизнь. Одним из первых его решений после назначения на пост главы Адмиралтейства в 1911 году стало развитие военно-морской авиации. Черчилль бредил самолетами и сам неоднократно садился за штурвал. В своих решениях он ориентировался на успешный зарубежный опыт воздухоплавания, но не меньшую роль в

⁵⁶ Цит. по: Farmelo G. Op. cit. P. 18. См. также: Rose J. Op. cit. P. 83–84.

⁵⁷ См.: Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс / Восстание масс. С. 103–106, 148–150.

⁵⁸ Documents. Vol. 3. P. 98.

⁵⁹ Цит. по: Rose J. Op. cit. P. 84–85.

⁶⁰ Цит. по: Farmelo G. Op. cit. P. 19.

его убеждениях относительно перспективности нового вида вооружения сыграл роман Уэллса «Война в воздухе», вышедший в 1908 году.

После начала мировой войны Черчилль ринулся в бой, предлагая различные нововведения. Пытаясь преодолеть кровопролитный тупик окопной войны, он рекомендует защищать пехоту мобильными стальными щитами, для прохождения минных полей – оборудовать моторизованную технику «огромным стальным молотом» или «тяжелым валиком», который позволял бы обезвреживать мины, а для повышения эффективности военно-морских операций советует создать военно-морские базы на искусственных островах⁶¹.

Все эти советы вызывали саркастические комментарии и служили прекрасным материалом для карикатуристов. Но Черчилля это не останавливало. Он продолжал генерировать одну идею за другой. Еще в самом начале войны, обеспокоенный защитой авиационных баз на континенте, он предложил использовать специальную моторизованную технику, обклеенную стальными листами. Идея оказалась очень удачной, но новое изобретение быстро столкнулось с серьезным препятствием – прохождением через окопы.

⁶¹ См.: Gilbert M. Winston S. Churchill. Vol. III. P. 591; Vol. IV. P. 74; Documents. Vol. 8. P. 90–92.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.